

НАРЦИССИГРАЮЩИЙ

человекатворящийон

С.А.ЛУЖНОВ

18+

Сергей Лужнов

Нарцисс Играющий

«Автор»

2026

Лужнов С. Л.

Нарцисс Играющий / С. Л. Лужнов — «Автор», 2026

Книга о нарциссизме внутри каждого. Она разоблачит любого нарцисса и покажет, почему он причиняет боль, почему жесток. Ты узнаешь, почему был так неуязвим и почему перестал быть таким. Мир хочет сделать из тебя нарцисса. Хищника или его жертву. Ничего третьего, как будто, нет. Как будто нет универсального, обычного, живого. Как будто нет никого, с кем поговорить. Только ты и мир, которому чужой. Такая книга не может быть простой. Она — одна из самых сложных в мире. Не потому, что старается быть такой, а потому, что заставляет меняться. Меняться так, чтобы стать самым неудобным человеком в мире. Не торопись читать эту книгу. Читай её с осторожностью, потому что она про очень строгую нежность, без которой человеку жизни нет. Только в ней жизнь. Нет никаких правил. Нет никого жанра.

© Лужнов С. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Высокофункциональная	5
Травма	12
Инфантильная жестокость	16
Туннельное мышление	20
Вытеснение чудовища	24
Нарцисс играющий	29
М	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Лужнов

Нарцисс Играющий

Высокофункциональная

Это не моё, это не я, это не моё «я»
Будда, Анатта-Лаккхана-Сутта, СН 22. 59

Глава 1

«Я». Книга не рассматривает лежащие за ним тайны как подлежащие разоблачению.

Она вмещает в себя много ошибок. Тем не менее, прикасаясь к ним через это «Я», читатель будет чувствовать близость к такому разоблачению, что далеко не всегда будет ощущаться комфортно.

Эта книга — гибрид философии и психологии, но как сплав мыслей и чувств живого организма.

И, следуя способу её написания, она передаёт их непосредственно читателю в том же гибридном виде. С одной стороны, это накладывает на читателя обязательство читать её в условиях готовности испытать эти эмоции.

С другой стороны, автор приложил усилия, чтобы минимизировать количество упоминаний местоимения «Я», что должно значительно упростить понимание концепций, лежащих внутри, даже если они имеют эмоциональную природу.

В силу высокой абстрактности идей, заложенных в тексте, книга разбита на группы небольших, но связанных между собой глав. Это также поможет читателю чувствовать себя внутри свободнее.

Так как предполагаемое время, необходимое для прочтения книги, может быть значительно выше обычного, многие важные мысли повторяются в ней дословно. Это тоже играет свою роль в автономности отдельных тем, связанных с центральными идеями.

Стремление понять эту книгу за одно прочтение не будет мудрым решением. Книга — не ответ на один вопрос и не выполняет конкретную задачу. Она является подвижной суммой внутренних кристаллических структур, так или иначе нашедших сквозь годы своё отражение в словах.

И все эти структуры смыслов, эмоциональные они или фактологические, направлены передать именно сумму как саму способность, которая пропорционально пониманию книги будет становиться способностью самого читателя всё больше.

Чтобы передать эту способность, книга предпримет попытки изучить читателя и его кругозор, стараясь при этом гибко обходить узкоспециализированные термины и сложные языковые конструкции.

Каждая из таких попыток понять книгу в ответ будет вознаграждена тем же чувством, которое испытывал её автор в момент своих озарений.

И, несмотря на то, что книга — всего лишь их артефакт, озарение, полученное читателем от способности мыслить иначе, будет настоящим.

Но читателю надо быть готовым к тому, что передача озарения не окажется конечной функцией книги. Даже вне её чтения, она продолжит предлагать всё новые углы зрения, чтобы снова запустить свет внутри того, что она называет «Я».

По мере погружения, отдельные мысли или формулировки будут вызывать обратную ещё недавней реакцию, которая вскоре снова может измениться.

Проходя сквозь замысел книги, её наблюдаемый жанр будет изменяться, и в какой-то момент каждый из читателей достигнет такого, который с трудом выносит.

Рано или поздно ты, читатель, угадаешь, как называется то, что происходит в этой книге на самом деле. Что должно произойти, но не может быть озвучено её словами. Не потому, что книга не знает. Она знает это иначе.

Но и не смеет вторгаться в таинство души читателя, вынуждая открыть её нараспашку перед всё же куском бумаги. Это должно произойти вне её пределов. Снаружи. Книга знает, что это произойдёт.

Это происходит и без её участия. Но ни одна из книг не вправе присваивать себе заслугу играть решающую роль в судьбе человека, таинством которой он живёт.

Она лишь участвует в том, чтобы тот опыт, который будет рано или поздно им пережит, не оказался «ошибкой выжившего» — информацией, приводящей к выводам о противоположном только потому, что не был учтён ключевой и очевидно существующий контекст этого опыта, оставшийся, тем не менее, в тени.

Так сама жизнь может выглядеть для человека как список необходимых для выполнения задач — целей. И выполняя эти задачи одну за одной, и даже приходя к финалу, тем не менее, он сталкивается с тем, что не чувствует своего счастья.

Не хватает лишь одного. Того, чего не хватало с самого начала, что постоянно и заставляло искать это где-то впереди.

Желание обнаружить своё справедливое место в этом мире, почувствовать не усталость, но покой.

Как видите, в этом совершенно нет никакого секрета. Необходимость чувствовать сумму общего смысла нужна именно как способность изначально, что и могло бы указывать верное направление для каждого отдельного шага вместо списка предписанных, пусть даже правильных, конечных задач.

И смысл жизни человека является пусть невычислимой суммой, но всё же непрерывно вычисляемой. Решимость человека была на исходе, быть может, уже вчера.

Никто и никогда не может знать заведомо — частью какой формулы его жизнь окажется в результате.

И окажется внезапно. Или даже вопреки.

Высокофункциональная. Глава 2

Мы вступили во времена, когда, следуя советам популярной психологии, нарциссов автоматически принято считать опасными и нежелательными участниками общества для любого социального взаимодействия, дабы избежать заведомо нехороших последствий.

В бесконечных рекомендациях социальных сетей нарцисс предстаёт фигурой, внушающей чистоплотному большинству негодование своей агрессивной заботой только о своих интересах, со способностью врождённо и умышленно пренебрегать чувствами и желаниями остальных хороших людей. Манипулировать беспомощной жертвой.

Каждый из таких источников информации, тем не менее, утаивает тот факт, что мир огромен, и отследить, кто в нём нарцисс, порой крайне затруднительно, а само по себе это занятие пагубно и вызывает зависимость.

К тому же любые попытки перечислить и систематизировать его трюки, чтобы как-то использовать это для исправления последствий столкновения с ним, в реальности будут приводить к бесконечным разочарованиям.

Более того, чем более осуждающе звучит голос оратора, тем выше вероятность того, что сам «обличитель зла» — двойной агент от нарциссического мира. Это ведь абвгдейка абызера — публично представить себя жертвой в заведомо слезливых глазах.

А если таких глаз будет полчища? На такой зрительский спрос даже Раскольников примерит костюм от Бриони и выйдет в прямой эфир перед миллионами старушек.

Нарциссизм стал вездесущим явлением. Признан он таковым или нет — он здесь.

Он пронизывает информационное пространство и вышел далеко за пределы термина «тёмная триада», которую и возглавил, уже как её крёстный отец — дон Корлеоне от кластера «Б».

И никакая психопатия или макиавеллизм не могут похвастать тем, что распространяют «победу», просто присутствуя вокруг как нормализованный массовый психоз.

Однако можно ли оставаться нейтральным, устойчивым, хотя бы условно здоровым в такой информационной среде? Следует ли ей сопротивляться, чтобы незаметно для себя вдруг не примкнуть к нарциссам? И как могло бы выглядеть такое сопротивление, чтобы не растерять в нём свою последнюю человеческую надежду?

Мы заведомо должны как-то жить и совершать какие-то шаги в этом бушующем мире, соблюдая таинственный баланс.

Но с каждым днём удерживать равновесие становится всё сложнее, если о таком вообще можно говорить. Всё это внешне остаётся жизнью, но как будто проигрывает даже выживанию.

Каждый из нас вроде бы способен приносить пользу обществу, но как будто бы не нужен ему в качестве её живого автора, а нужен лишь в качестве ресурса. И каждый чувствует, что со словом «польза» точно что-то не так.

Оно как будто перестало быть общим, а стало жутко личным. И по-своему мы чувствуем эту температуру в обществе, где уже нет устойчивых связей. А ведь это он нагревает нас.

И, наблюдая за ним с расстояния, любой нарцисс стремится достичь того, чего, похоже, действительно можно, а быть может, и стоило бы достигнуть на самом деле. Однако сделать это стоило бы как будто бы совершенно из других побуждений.

Нарцисс потому и нарцисс, что не ценит того, что имеет, а достигая невероятных высот, остаётся несчастным. Но ведь задумка-то у него была хорошая — стать счастливым. Что же в этом плохого?

А много ли среди нас тех, кто готов предположить в себе нарцисса? И, быть может, пойти в терапию? И не просто как бы случайно найти недорогого специалиста, который не обладает даже общими знаниями о нарциссизме, а быть готовым услышать из очень серьёзных уст очень нежные слова о том, что уникального в нас не так уж чтобы прямо много, и мечтаем мы все примерно об одном.

Никакой нарцисс ведь не знает и не захочет знать, что он — нарцисс. Он внутри игры и не посмеет сделать этот страшный шаг назад и взглянуть со стороны. А между прочим, чтобы сделать любой такой шаг, нужны здоровые нарциссические черты.

И напрашивается наше первое странное предположение, что даже если ты нарцисс, но всё же пойдёшь в терапию к тому, кто не будет ходить вокруг да около, тогда велики шансы перестать быть нарциссом.

А если к тому же так сложится, что придётся понести убытки от всякого рода столкновений с дорогой в наши времена правдой, это вполне способно смотивировать ценить то, что осталось после пары-тройки консультаций.

Проблема регуляции своих отношений внутри нарциссического мира выглядит гораздо сложнее, чем просто найти хорошего специалиста и отдать ему всё, что у тебя было.

Мир ставит ультиматум. Либо ты становишься его верным, «успешным» работником, и он, может быть, находит тебе способ заглушить душевную боль.

Либо ты обнаруживаешь себя в бесконечно пограничном состоянии: будь это само пограничное расстройство с мучительными перепадами настроения каждый день или огромные биполярные циклы фальшивого подъёма и не менее безумной депрессии.

Жизнь начинает выглядеть подобно «галопирующей Герте» — Такомскому мосту, который, несмотря на свои внушительные размеры и бетонное дорожное полотно, всё же был раскачан и уничтожен вполне обычным ветром. Ветер просто «угадал» критическую для несущих конструкций моста частоту колебаний.

Явление резонанса в информационном мире остаётся всё ещё малоизученной областью знаний, и эффект Стрейзанд уже многие десятилетия всё ещё выглядит огромным открытием.

Тогда как каждый новый кризис в обществе индуцирован стремлением людей предугадывать немыслимую сложность колебаний их общей реальности.

Волновые процессы внутри информационного мира таковы, что попытка открыто им противостоять вызывает внутри отдельного интеллекта зеркальные переотражения и, замыкаясь сами на себя внутри оболочки детской травмы, рожают невыносимый звук бесшумной сирены.

Кто-то чувствует его как тревогу, другим удаётся вытеснить всё в бессознательное, где поступающая токсичная информация далеко не всегда может быть трансформирована во что-то доброе и светлое, а чаще начинает выглядеть подвалом из «Зловещих мертвецов».

Высокофункциональная. Глава 3

Давайте зададим себе вопрос: а что, если любой диагноз, так или иначе связанный с тревогой, всё ещё остаётся симптомом чего-то более масштабного?

Что, если тот сумасшедший рост аутизма по всему миру вызван не биохимическими изменениями, а таковые являются лишь следствием попыток организма адаптироваться к тому, к чему адаптироваться не получается?

И откуда в мире такая святая вера в одностороннюю причинно-следственную связь? Не может ли быть так, что такая связь — удобное оправдание потери всякого контроля над легендой об идеальном человеке?

А что, если нарцисс — это последний парламентёр, с которым ещё можно вести хоть какие-то переговоры? Ведь этот язык боли, на котором он говорит, вполне может оказаться единственно доступным каналом горькой правды.

Потому что ждать, что жизнь в нарциссическом мире предоставит какую-то скидку по суперакции на чувство боли, совершенно точно не стоит.

Это ведь сам по себе инфантилизм — рассчитывать на то, что, определив кого-то в нарциссы и убрав такого «в деревянный макинтош», твоя жизнь внезапно и сама собой наладится. А бывает даже и наоборот.

С точки зрения пусть не истины, но максимальной правды, нарцисс — это очень сложный конструкт, и его расшифровка потребует изучения множества интересных книг.

И если говорить языком Юнга через архетип тени, то попытка узнать, кто такой нарцисс «своими силами», будет достаточно болезненным процессом, но тем не менее приводящим к своей правде о собственной уязвимости, которая не может обнаружить другие способы дышать в человеке.

Нарцисс — не человек. Человек был бы способен допустить возможное присутствие в себе слабости. И вопрос о том, кем для вас является нарцисс в ваших представлениях, будет порождать ту или иную реальность, чтобы так или иначе уточнить ваши представления о нём и через него — о реальности.

В нашем контексте нарцисс — изолированная в человеке модель нарциссического интеллекта. С одной стороны, даже настоящий нарцисс склонен сам себя изолировать от настоящего, отделять от мира, а с другой — в наших размышлениях мы делаем его настоящим человеком, так, как будто бы всё же привели его на терапию.

Поэтому в нашем языке сейчас и появляется слово «высокофункциональный». Мир, следуя системным шаблонам, принудительно делает из нас нарциссов, но хочет обыграть процесс

как вариант нормы. И в этом смысле нам не стоит принимать решение о немедленном сопротивлении. Потому что, во-первых, всякое сопротивление заложено в логику шаблона и фактически ускорит процесс интоксикации.

Во-вторых, система уповает на то, что мы будем радоваться узнаванию своих шаблонных знаний о нарциссах, чувствуя это как сладкое с кислинкой.

Но в реальности эта книга будет интерпретировать нарцисса как портал, но работающий в обратную сторону.

А текст книги, сохраняя честность, начнёт воссоздавать архитектуру системы, создавшей этот конструкт чистого, концептуального нарцисса.

Именно обладание таким делает доступным и обратное превращение — в информацию о том, кто такой не-нарцисс.

Тот, кого в бытность классической литературы называли бы настоящим человеком. И не потому, что её читали, а потому, что писали.

Тут уже проглядывает сама природа нарциссизма, который в условиях современного комфорта вдруг заскучал и начал испытывать особую жажду в подлинных человеческих чувствах и душевных терзаниях о высоком.

Где попытка реализовать этот шаблонный образ жизни, копируя увиденное в ленте рекомендаций, в реальности оказывается узкой и очень скользкой дорожкой, с глубокими обрывами пропастей с потоками некой раскалённой правды.

И как бы ни хотелось сделать некоего коллективного нарцисса виноватым за всё происходящее, он совершенно не тот, кто был бы способен нести хоть какую-то ответственность.

Но с другой стороны, мы уже точно видим теоретическую начальную точку, где человек встаёт на эту скользкую дорожку, и, наверное, следует своей мечте, где сам соглашается на риск «упасть в правду».

Вопрос совершенно не в том, надо ли нам становиться этим нарциссом, чтобы упасть в свою правду.

Безусловно, у нас очень много возможностей сыграть в нарциссическую лотерею, которая даже будет давать выигрывать время от времени.

Вопрос о том, существует ли у нас дерзость хотя бы узнать, кто такой настоящий нарцисс, и имеем ли мы эту самую правду, чтобы действительно утверждать о том, что мы лучше, чем таковой.

Это крайне смелое предположение — считать себя заведомо лучше среднего жителя времён написания «Божественной комедии».

А всё может сложиться так, что миру нужен новый язык, способный вдохновить свежую кровь. И ведь кто-то рано или поздно должен будет написать что-то интересное.

И он должен быть руководим этими настоящими чувствами и тревогами, и не прикрывать душу какой угодно высокофункциональностью.

Вы спросите меня — что же я так пугаю вас этой «страшной правдой»? «Нашёл чем пугать!»

Но вся подковырка в том, что вашей единственной правдой не является нажитое барахло или даже нищета. Оно, может быть, и правда, но достаточной не является. Это всё переменные.

В списке прочих характеристик настоящего человека значится такая безделица, как «таланты». И попытка прикинуться ветошью в глазах исторической парадигмы — далеко не лучшая идея.

Ведь столкновение будет один на один. Материализация нарцисса — это лишь технический функционал по выявлению ваших настоящих талантов, а не тех, которые вы хотите представить и продать миру.

Высокофункциональная. Глава 4

Даже самый высокофункциональный нарцисс не будет иметь понятия, почему он всегда «только почти победил».

Почему и где «высокая функциональность» полностью противоречит чему-то просто функциональному? Что на самом деле скрывается за этим словом?

Является ли высокофункциональная, скажем, депрессия функциональной на самом деле? Можно ли называть попытку прожить «не свою» жизнь чем-то высокофункциональным? Или где здесь нужны кавычки на самом деле?

Это очень красивое слово, в котором заложены огромные перспективы оправдать очень многое, только бы никогда не узнать те масштабы душевной боли, предначертанные совершенно другому, но всё же живому человеку.

Привычка избегать боли вскоре приводит к появлению в окружающем воздухе множества очень красивых слов, красивых самих по себе, но одиноких в своём большом количестве.

Неспособные держать это своё одиночество при себе, они передают его тому, кто их читает или слышит.

Одиночество. Даже беглые размышления о сохраняемом высоком функционале человека, находящегося под гнётом какой-либо проблемы, способны привести нас к мысли, что в какой-то момент сам процесс избегания боли начинает становиться центром смысла его жизни.

Так устроена сама жизнь. Ты становишься тем, что ты делаешь на самом деле. Однако увидеть эту поверхность своей реальности порой становится слишком просто.

Настолько просто, что эта простота начинает выпадать из самого спектра возможностей, доступных человеку, тем более с помощью слов, предназначенных как будто для совсем другой жизни.

Сложность. Она становится той самой «чужой» идеей, которой человек начинает жить.

Идеей, из которой он начинает совершать любые свои действия, следуя, как будто бы привычке. Привычке, которая создана быть как будто бы истиной о сложности всего.

Всего лишь несколько абзацев, и возникает она — фантазия. Фантазия о том, что красивые слова позволяют жить, несмотря на ложь, тем более полезную — «высокофункциональную».

Между прочим, это и есть обратная сторона этой видимой красоты. Скрамная компенсация.

Сейчас, в тексте, это может казаться невероятным, что человек живёт некой огромной ложью в обмен всего лишь на красивые слова. Но не спешите осуждать человека.

Человек всё же не бог и он не бессмертен, поэтому и жизнь его всегда настоящая, какой бы фантазией он ни был руководим изнутри. И судить человека будет справедливо только судом самой жизни.

И в этом смысле нам самим следует признать реальность. Да, люди живут так, как они живут — в обмен на какие-то слова. И красота этих слов, начинает быть большим вопросом субъективности.

Парадоксальным образом, эта высокая функциональность оказывается действительно высокофункциональной именно тем, что позволяет заглянуть нам в недоступное прежде — и в высокое, и в функциональное.

Жизнь — это великий дар. И человек будет настолько живым, насколько он будет способен увидеть это величие, которое окажется на поверхности самой жизни.

В том, чтобы прожить жизнь ради всего лишь череды каких-то слов, на самом деле, ведь нет большого преступления.

Особенно если порядок этих слов будет составлять некую интересную историю. В конечном итоге это способно расставить всё на свои места.

И живёт человек именно для того, чтобы расставить всё на свои места.

Именно тут мы достигаем пределов высокого функционала и, его пересекая, достигаем настоящего. Счастья.

Настоящее — это именно то, что противоречит чему-то просто высокому.

Даже самое высокое оказывается всегда недостаточным в глазах настоящего. Вот, где нам становится очень больно.

Больно за то, что у нас далеко не всегда получается видеть эту красоту истории, в которую складываются все эти высокие слова.

Мы как будто бы вынуждены молчать, даже если хотели бы попасть в тишину. Молчим, но туда не попадаем.

Сама красота становится необходима как второй, но настоящий воздух.

Нет родства с жизнью без неё. Всё вокруг становится всего лишь высокофункциональным, но не близким. Полезным, но для бессмысленного.

Воздух тишины.

Что может быть проще, чем подобное? Ведь, наверное, он повсюду? Но мы как будто не заслуживаем его.

Мы как будто бы должны заработать, где-то купить способность, право дышать им.

Сохраняя нам высокую функциональность, среда выглядит источником сложных проблем, огромным спектром травм, которые предлагается прорабатывать уникальными методами.

Методами, которые включают огромное число технологий и способов коммуникации, однако, всё же не собирают человека воедино.

Всё складывается так, что твоя высокофункциональность и есть всё, что нужно от тебя миру.

А второе, сопутствующее ей слово, — это просто легенда. Будь это депрессия, аутизм или стрессовое расстройство, оно всегда оказывается попыткой обесценить твою настоящую, человеческую боль.

Обесценить саму идею уникальности человека.

Боль настолько своя, что уже не поделиться. Боль, за которой лежит твоя правда. Правда, для которой не оказывается нужных по красоте слов.

Слов, несовершенству которых нет места в идеальной, как будто бы, реальности. Реальности, в которой нет места человеческому. Уязвимому.

Будет ли означать, что тот, кто лишён человеческой природы, обязательно станет богом? Мы склонны предполагать, что потеря человеческого будет означать скорее тьму.

Тьму, в которой эта недостаточность станет всеобъемлющей.

Тьму, в которой свобода обернётся невозможностью достичь ничего настоящего.

Но мы всё же нарушим эту игру в этот страх недостаточности.

И если уж судьба нам предлагает шанс заглянуть по ту сторону одной большой причины, быть может, именно там мы обнаружим одно большое открытие.

Мы войдём в эту тьму.

Травма

Глава 1

Вопрос остаётся за малым — где же взять эту тьму? В прошлом? В будущем? Нам нужна настоящая тьма, из которой и приходит эта самая фантазия. В эту нехорошую квартиру с неопределённой геометрией. Нам туда.

Незнание или неполное понимание термина «травма» не убирает и даже не ослабляет её. Отсутствие представлений о том, что такое информация в принципе, накладывает строгие ограничения на доступные знания и их качество.

Если вам кажется, что информация — это знания, а знания — это информация, то вы оказались в правильной книге, способной сокрушить этот стеклянный купол над вашей головой.

Информация — это нечто, что способно освободить её обладателя, если таковым будет его желание, стремление к своей истине.

Всегда следует держать в уме, обладает ли это нечто перед глазами реальным потенциалом вашего освобождения. У свободной информации нет иных качеств.

И раз уж мы ведём беседу о травме, нам точно нужна информация, настоящая, о настоящем. Не стоит думать, что к подобному есть некий свободный доступ. Тьма — очень красивое слово. Однако, когда вдруг она потребуется, Средиземного моря под рукой может и не оказаться.

Находясь внутри травмы, весь мир в целом склонен представать перед его наблюдателем бесконечным Патриаршим прудом, пусть и хорошо замаскированным. И всякий раз любая беседа с любым другим будет напоминать разговор с незнакомцем.

Внутри травмы можно сколько угодно строить планы на вечер или отпуск. Всё будет выглядеть безумно реалистично. Но слово «безумно» будет явно перевешивать видимую ценность этого реализма.

Я прошу прощения за столь концептуальное раскрытие достаточно простой мысли. Травма знает, что такое «информация».

Травма знает, чем чревата настоящая тьма. Травма будет использовать все доступные методы, чтобы роман не был ни написан, ни даже задуман.

Поэтому эта книга — не роман. Травма не будет знать, что внутри книги есть какая-то ещё. Как видите, достичь тьмы не так-то просто. Травма существует не для того, чтобы вам было просто больно.

Она существует для того, чтобы вы ничего не чувствовали. И она конфигурирует чувства так, чтобы все они представали для вас бессмысленной болью. А небытие было бы естественным концом вашей истории.

Вы, именно вы, должны дать согласие на то, что смысла нет. Травма не может сделать это за вас. В её силах сделать так, чтобы бессмысленность казалась вам выгоднее какого угодно смысла.

В большинстве сценариев это будет работать. Ничего не чувствовать будет казаться выгодным для физического выживания здесь и сейчас. Но опять же, стоит всегда держать в уме, что именно вы решаете, что травма — ваша неотъемлемая часть.

Травма делает выгодность правдоподобной, что совсем не означает чего-то настоящего. Настоящим для травмы является возможность распространения своего механизма через информацию — копирование себя.

Каким предстаёт для вас мир — травму не интересует. С её точки зрения, вы живёте ради её распространения. Тьма или, не приведи Господь, свет — явно не те сценарии, в которых она могла бы сохранить контроль.

Парадоксальность. Вот та самая полая игла, через которую мы вернём информации её настоящие свойства. И, выйдя за пределы травмы, нам станет доступна эта самая тьма настоящего, которую невозможно наблюдать изнутри.

Вот наш роман. Мы просто сохраним детали, описывая это нечто высокофункциональное. Мы увидим этот чёрный свет и пропустим его через призму, разложив его на спектр совершенно новых слов.

Наш разговор не будет похож ни на что прежде. Можно было бы что-то придумать, но мне достаточно быть предельно точным, и это окажется безжалостно честным.

Изучая нечто, что выходит за пределы человеческой природы, жалость окажется недоступной, нелогичной. Даже стараясь использовать простые слова, текст этой книги окажется максимально удалённым от большинства сценариев.

Он точно не создан для выживания, хотя и в результате такового. Кто из нас не мечтал встретить этого иностранного консультанта? Для многих из нас это было бы выходом, или хотя бы шансом. Разорвать заколдованный круг.

Он ведь точно существует, этот круг. У него есть своя логика, и она, выходит, достаточно крепкая, чтобы бесконечно держать внутри живого, казалось бы, человека. Куда ни глянь — всюду нужна выгода.

Тьма могла бы быть освобождением, доказательством настоящей жизни. Поэтому сжигать романы, а равно свои чувства, может лишь казаться выгодным. Но уже не для жизни. И даже не для смерти.

Вот она, настоящая жестокость травмы. Ни жизнь, ни смерть. Каждому нужен этот настоящий роман. Каждый сжигал. Каждый мечтал стать каждым, чтобы с каждым было о чём угодно поговорить.

Но без романа разговор с каждым не выглядит выгодным мероприятием. Выгодным выглядит заседание с людьми в каких-то помещениях, оказавшимися бесконечно незнакомыми. И каждый как будто бесконечно что-то предсказывает и без того известное.

Многие были бы и рады что-то сжечь, но романа-то нет, даже романтики — одни буквы, из которых не выскочить. Нет как будто бы даже слов для чувств, пусть неправильных. Будто написано уже кем-то, как быть, и нельзя иначе.

Нет никаких путей выхода, кроме как через сами буквы чёрные. Отсюда мы начнём свою геометрию менять. Другая выгода у нас будет. Необычная. И начнём мы с малого, как бы в шутку. Вечер долгий. Ночь черна.

Про любовь роман, как-никак. Твою. Другой нет.

Травма. Глава 2

Существует ли травма на самом деле? Вполне очевидно, если мы ведём о ней разговор — она существует. Опыт, пережитый не так, как мог бы быть пережит. Опыт, который, возможно, вообще не стоило переживать. Смотрите, как язык с нами говорит.

Не стоило переживать... Между прочим, тревога — это и есть главный компонент почти каждой психологической травмы. Её практически можно назвать главным источником, проводником травмы в реальность, которую человек наблюдает вопреки необходимому, справедливому.

Мир, находя очередную уязвимость у человека, наносит ему удар так, будто знает не просто о его слабых местах, а точно уверен, где и когда человек окажется беспомощным. Всё выглядит так, что миру нужна человеческая беспомощность.

И вот мы уже ведём разговор отдельно о мире и отдельно о человеке, будто бы уже разделили их. Есть нечто очень самоуверенное в таких размышлениях. Нечто, что вызывает к жалости, снисхождению к раненому миром человеку.

И мы снова достигаем пределов фантазии, будто бы знаем, что такое мир, знаем, что такое человек. Но мы не знаем. Мы торопимся представлять травму как открытую и окровавленную язву, обладатель которой вздымает руки к небу и взывает к Всевышнему.

Это кажется таким естественным — поднимать руки к небу, как будто бы что-то спрашивая. Решения, ответа, справедливости. Вполне очевидно, что тот, кто так делает, считает себя отдельным от мира существом, чем, похоже, не очень-то и доволен до конца.

Каждый, кто читает эти строки, понимает, что нет ничего рационального в том, чтобы поднимать руки и просить у пустоты что-то своим внутренним голосом вслух или про себя. Начинается очень интересная игра слов, не так ли?

Что значит — поднимать руки? Что значит — просить внутренним голосом? Про себя. Даже если убрать из этой конфигурации руки, то это всё равно будет выглядеть ничем иным нежели молитвой.

Это выглядит очень заманчивым — признать, что молитва — это бессмысленная в своей сути информация, потому что является моментом слабости и обращена туда, где никого нет. Признать и продолжить свой тревожный сон в будничной жизни.

Вопрос только в том, можно ли назвать это жизнью? Многие пробуют, но вскорости у них начинается бесконечный разговор с постоянным упоминанием слова «травма», будто бы это что-то решит куда лучше, чем какая-то там «молитва».

Посмотрите внимательно. Травма — это фантазия об отдельности. Молитва — фантазия о единстве.

И сейчас это уже начинает быть серьёзным разговором. Что есть человек и как им быть в реальности?

И согласитесь, в таком ракурсе молитва не выглядит как-то слабее травмы. Всё потому, что быть отдельным от мира, у которого нет инструкции, гораздо сложнее, чем наблюдать очевидную связь, зависеть от него.

Попытка спорить с моими словами может привести вас к тому, что вы не захотите признать травму фантазией, предполагая мои размышления манипуляцией изначально.

Однако, следует держать в уме, что до тех пор, пока мы не знаем, что такое информация в своей сути, всё будет происходить в пределах фантазии того или иного качества.

Именно через понимание информации у нас будет шанс увидеть, что такое опыт в своём непосредственном смысле. И для этого понимания нам не потребуется переживать или не переживать. Преодолев пределы фантазии, мы точно куда-то попадём.

Убрав фантазию из формулы, можно совершить немало открытий, даже находясь в полной тьме. И более того, именно в пустоте у нас будет возможность узнать — кто там.

Пользуясь преимуществами того, что молитва — бессмысленная информация, мы сможем обнаружить того, кто всё же является её адресатом. И мы точно начнём располагать крайне ценной информацией о бессмысленности, которая способна расплавить тревогу как идею в ядре травмы.

Всё это выглядит очень амбициозным планом — внезапно оказаться человеком в настоящем. Ведь человеком нельзя стать как-то постепенно. Потому что нельзя залечить травму без следа. Есть только один вариант. Травма должна перестать существовать как травма фундаментально.

В силах ли сделать так отдельному интеллекту? Пользуясь, например, бессмысленной информацией?

Всякая информация внутри фантазии будет бессмысленной в конечном итоге. Однако, это именно то, что нам и надо.

Что-то точно лежит между травмой и молитвой. Какая-то очевидная тайна. Как быть человеком. Как найти в себе силы, знания, веру в то, чтобы даже предположить несуществование бессмысленной информации.

Фантазия о том, что ты — человек, который знает, — это очень сильная вера в какого-то своеобразного бога, который разговаривает некими автоматическими молитвами — программами.

И сила его веры в этого бога такова, что ничего из потока его внутреннего диалога не кажется ему молитвой. Потому что молитва в его понимании — это некий другой, особый порядок слов, совершенно не подходящий под его бытовые нужды — придумывать сценарий того, как он получит очередную травму.

Однако реальность такова, что порядок слов в молитве не предопределён.

И дотех пор, пока человек считает себя отдельной жертвой внешнего мира, всё сказанное им будет молитвой, направленной тем не менее в настоящее никуда. Вот она — настоящая формулировка травмы:

Молитва о настоящем.

Чтобы оказаться человеком, стоило бы отказаться от попыток быть богом. Сделать это в современных условиях очень непросто. Информационный мир продолжит быть фантазией до тех пор, пока сама природа информации не будет раскрыта.

Мир будет предоставлять всё новые способы, идеи и технологии, чтобы удерживать человека от человеческого на расстоянии, где ему будет представляться выгодной некая конкуренция с богом, которому чужды всякие уязвимости.

И в обратную сторону. Пока не достигнута простота чувств и сила нежности — мир будет видеться и быть сложным и жестоким, подчиняясь «божественной» травме.

Инфантильная жестокость

Глава 1

Жестокость — это отличительная черта любой травмы, которая в конечном итоге имеет своей целью передать жертве не сам ущерб, а саму жестокость.

И в истинной причине этого нет большой тайны. Попытка опровергнуть свою слабость.

Теряя от обиды свою парадоксальность, человек, совершающий эту попытку, этим подтверждает свою слабость перед лицом объективной реальности, которую он, в свою очередь, совершенно не в силах выносить.

Фантазия о жестокости как об источнике силы приводит человека к тому, что он целиком оказывается её пленником.

А такая фантазия — это совершенно не то место, откуда можно было бы выбраться с помощью мешочка добрых дел.

Сослужив такой фантазии службу единожды, человек теряет доступ к ключевым свойствам реальности. В ней не будет ни добра, ни зла, ни правды, ни лжи.

Это будет сама настоящая жестокость в жидком виде.

Любые поступки будут лишь попытками. Сила любых масштабов будет всегда недостаточной даже для прикосновения к чему-то настоящему.

Жестокость будет в самой невозможности осознать себя внутри такой фантазии. Она будет реалистичнее самой жизни, которая будет казаться справедливо жестокой.

Правда и ложь окажутся в реальности нефункциональными, художественными словами — локальным контекстом, а добро и зло — лицемерием.

Всё будет работать только ради одного. Затянуть в фантазию о силе жестокости ещё глубже.

Сам механизм жестокости заложен в абсолюте непринятия слабости как концепции, имеющей право на существование.

Жестокость — это идея доказательства не как какого-то смысла или результата, а идея доказательства как бесконечного процесса.

Доказательство как сама теорема. Сталкиваясь с такого рода информацией, человек пытается следовать своей привычной логике, не догадываясь, что это ловушка, направленная на то, чтобы обратить всё вспять.

Любые шаги для осознания этого будут всего лишь очередной попыткой сконструировать красивые слова, не рожающие при этом нового, нужного как свежий воздух, смысла.

Конфигурация таких красивых слов будет прекрасно отражать внутреннюю механику фантазии, но не раскрывая настоящих её секретов.

Это всегда будут диагнозы, личностные особенности, типы привязанности, уникальное строение нейронных связей. Что угодно, но всегда внешнее.

Судьба быть обычным человеком. Вот та угроза, от которой предлагается отказаться с помощью красивых слов. Будто бы быть человеком слишком просто, и этого недостаточно.

Это и есть рождение жестокости как концепции. Изначальная недостаточность. Речь ведь совсем не о том, что вас запугивают судьбой обычного человека.

Судьба обычного человека — информация, которая откажется быть предугаданной.

Ваши представления о «судьбе обычного человека» — это и есть начальная иллюзия, точка входа в фантазию.

И если добавить красивую легенду о некой другой, необычной и, выходит, безопасной судьбе, то хрупкость вашей идеальной души даст трещину.

Жестокость выглядит очень логичным ответом на боль, даже если это боль от слов «обычный человек».

Жестокость не является настоящим смыслом, хотя и старается быть похожей на него. И, не являясь таковым, она становится бесконечным процессом без реальной цели, замыкаясь сама на себя.

Причинить боль, чтобы её ослабить. Для большинства это внутренний процесс. Снаружи он выглядит амбивалентным как чистая шизофрения. Однако, подвергаясь бесконечным коррекциям внутри интеллекта, это всё же как-то работает. Но через бесконечное потребление.

Внимательный взгляд будет способен обнаружить, что ядро жестокости как проявление травмы заключено в самой подмене смысла на процесс, а жестокость — просто легенда, громкое и яркое прикрытие этого.

Не бывает ничего бессмысленного. И настоящее знание о таком может легко стоять целой жизни.

Жестокость к себе действительно позволит не замечать жестокость снаружи. Это и есть смысл внутреннего противоречия. Популярный рассол.

Обычный человек. Это очень опасные слова для системы любых знаний, потому что человеку будет тесно в любой такой.

Обычный человек окажется неспособен применять принятую в системе терминологию, следуя всего лишь своей живой интуиции, его язык будет лишь оставаться похожим на тот, которым пользуется система.

Но система будет поставлена в положение беречь в нём даже то, что она давно перестала понимать.

Если определять человека как источник информации, то контроль над ним исчезает полностью. Травма это или что-то другое.

Информация окажется ртутью, создающей амальгаму, прикасаясь к любой другой материи.

Результатом появления такой амальгамы окажется не контролируемый ничем творческий процесс. Единственным источником его контроля станет универсальный смысл, который внезапно окажется возможным в реальности.

Жестокость старается быть этим универсальным смыслом, занимая его функциональное место.

Можно ли утверждать, что уровня её эффективности достаточно, чтобы человек продолжал быть человеком?

Она позволяет сохранять видимость всего, что обычно делает человек. Но на этом её функционал резко обрывается, оставляя расхлёбывать ошибки самому человеку, который иногда даже с радостью облачает их в диагнозы.

Сама жестокость может занимать какое угодно место в жизни человека, но место, предназначенное для универсального смысла, продолжит ждать его появления.

Жестокость лишь окажется справедливой, строгой обстановкой для этой пустоты в пространстве и времени.

Только достигший этого универсального смысла сможет определить жестокость как жестокость. И, вполне очевидно, в нашем мире это называется зрелостью.

Именно с помощью ответственности взрослый человек понимает контекст необходимой глубины без отрыва себя от происходящего.

Тогда как жестокость выглядит именно недостаточной попыткой совершить этот самый отрыв. И он действительно происходит, но как отрыв от реальности в целом.

Инфантильная жестокость. Глава 2

Нашей первой отвагой станет вопрос — откуда в словах «обычный человек» столько боли?

Почему от этих слов так хочется бежать, и куда от них можно убежать? Ведь сила, скрытая за этим словосочетанием, равноценна силе самого безумия.

Жестокость предстаёт отдельным языком, который рождается только чтобы не достичь, бесконечно избегать «обычного» безумия.

Уж слишком много простоты и открытости скрывает эта обычность. Так почему же?

Обычный человек — разрушитель системы.

Это одна из тех мыслей в этой книге, к которой вы будете возвращаться не раз. Уж слишком много в ней внутреннего. Много скрытого.

Ведь не зря обычный человек — это лучшая легенда для любого шпиона, который, с одной стороны, становится полностью невидимым для всех систем, а с другой, получает информацию наивысшего качества об этих внешних системах.

Возникает обратный вопрос. Что будет с интеллектом, который будет получать информацию наивысшего качества при условии своей прозрачности для внешних атак?

Не окажется ли такой интеллект грозной, скрытой силой?

Окажется. И окажется ею внезапно. Как тот самый универсальный смысл в пустоте.

Как я и говорил, нет ничего обычного и ничего человеческого в словах «обычный человек». Мы начинаем путь к причине нашей боли.

Обычный человек — это всегда бессознательное. Коллективное или нет.

Само понимание словосочетания как будто размазано огромным пятном кучей заурядных и банальных слов. Но финального объяснения не окажется.

Самое страшное, что каждый из нас вполне способен достичь базовой честности и признать — обычного человека не бывает как отдельного субъекта.

Все люди — по-своему уникальны, и копни глубже в судьбу каждого — уникальная боль, скрытая легендой обычного человека.

Любой самый богатый или влиятельный мечтает предстать в глазах публики обычным человеком, как будто бы оправдываясь за свою настоящую жестокость. Как бы убеждая себя, что причина его жестокости в том, что мир считает его недостойным этого титула — обычный человек.

Секрет этой боли действительно лежит на поверхности.

Любая некачественная информация о бедности или богатстве — это абьюз, манипуляция, которая не имеет реальной власти над бессознательным.

Просто потому, что бессознательное не состоит из слов и слов не понимает.

Прозрачность бессознательного — прозрачность с обеих сторон. Сознание его не видит, а бессознательное не видит смысловых конструкций — систему, которую выстраивает это сознание.

Всё информационное нагромождение снаружи бессознательного оказывается полностью беспомощным для манипуляций над тем, что не имеет финальной формулировки.

Такая формулировка позволила бы полностью изучить и получить контроль над субъектом. Но как такового субъекта — нет.

Бессознательное предстаёт неуправляемым, самым чистым страхом для сознания, которое просто отказывается даже от самой идеи заглядывать в чёрный ящик под названием «обычный человек».

Мы хотим быть взрослыми. Мы хотим, чтобы мир воспринимал нас всерьёз. А он нас не принимает.

Говорит — «иди, побудь обычным человеком, повиси на кресте». А нам больно без всякого креста. И мы находим этот крест, чтобы объяснить эту боль.

Мы жестоки к себе.

Мы создаём жестокий язык, чтобы объяснить им жестокость этого мира с помощью жестокости сомнений о существовании в нём жестокого бога, потому что другого такой не заслуживает.

Да, мы пытаемся накачать наш язык романтикой, создавая сериалы, структуры, организации и спецслужбы, а всё потому, что прекрасно понимаем — боль справедливый ищет выход.

И нет никаких путей её остановить, кроме как рассеять в сложности. Через каждого — понемногу.

Каждый сам себе крест выдумает. Каждый от своего бессознательного способ убежать найдёт. Каждый вспять вещи пустит. Каждый жестокость к себе оправдает. Каждый обычного побоится.

Финальная формулировка. Любая система предполагает себя совершенной, потому что идеализация — её основное оружие для извлечения информации о мире.

Столкновение с тем, что не поддаётся объяснению, вынуждает такую систему принимать некое «идеальное решение» — признать этот объект опасным и устранить.

И если устранить его возможности нет — признать уже несуществующим, не имеющим права существовать в принципе.

Язык — это тоже такая система. Появление в нём новых слов — процесс болезненный, и каждый из нас знает, чьей болью оплачено их появление.

Мы живём в этом «болевом кредите», соглашаемся жить в бесконечном приключении за боль от невозможности стать обычным человеком.

Для объяснения себе этой боли нам постоянно требуются новые слова, потому что старые — уже не складываются в картину, способную объяснить происходящее. И, согласитесь, художбно, но это работает. Но эта худая бедность выглядит как будто обязательной.

Недостаточность. Она выглядит побочным продуктом, который стоило бы устранить.

И, кажется, если устранить саму необходимость знать, что такое «обычный человек», то и недостаточность исчезнет. Однако, это всё та же идеализация, которая говорит в нас, говорит за нас.

Смысл финальной формулировки «обычный человек» ускользает от понимания любой системы.

Да, у любой системы это вызывает страх из-за потери контроля. Однако, этот страх виртуальный.

Для самой системы он будет реальным. Но любой внешний наблюдатель такой системы обнаружит, что её страх — это просто невозможность выйти за свои пределы. Или, говоря ещё проще — неизбежная ошибка, которой достигает логика этой системы, обладающая конечной сложностью.

Существует и обратный процесс. Виртуализация страха. И если выйти за пределы самого языка, как системы. Мы сможем достичь финальной формулировки.

И, следуя обратному, мы снова поменяем местами цель и процесс. Финальная формулировка — это не цель. Это процесс.

Всё окупающая роскошь человеческого общения.

Туннельное мышление

Глава 1

За неспособностью или нежеланием формулировать, что такое «обычный человек», любого ждёт встреча с железобетонным устройством реальности. А именно, принципиальная невозможность быть ни обычным, ни человеком.

Нельзя быть тем, о чём у тебя нет никакой качественной информации. А любая некачественная будет способствовать только удалению от самого понимания — как даже просто представить того, кем стоило бы стать.

Безусловно, любая система будет оказывать сопротивление появлению в ней чего-то, обладающего качествами внешнего, незнакомого. Но уровень этого сопротивления никогда не будет бесконечным.

Такой уровень можно назвать ставкой в игре, которую сама система способна сделать, чтобы сохранить собственную веру в свою реальность, воспринимая её максимально серьёзно. Избегая при этом любых сигналов, способных выявить необходимость появления нового контекста.

Если предположить, что «человек» — это некая неизвестная, которую можно найти, то «обычность» оказывается методом этого поиска. И, соответственно, сам процесс окажется ответом — целью.

Язык — это отражение любой системы. Продвигаясь внутри информации, мы отражаемся незримым лучом от внутренних граней такой системы.

Проблематика обнаружения смысла слова «человек» в том, что целью является сам процесс.

Интеллекту, перед которым стоит задача раскрыть смысл своей собственной природы, предлагается бесконечный процесс туннелирования внутри языка.

Языка, который, являясь вторичным, производным от мира, никогда не будет способен сформулировать ответ сам.

Любая система знаний вторична относительно той реальности, которую эти знания стараются описывать. Система внутри себя исключает существование внешней игры, игры вне её контроля.

Однако, чтобы исключать внешнюю, системе необходимо создавать внутренние игры, которым предстоит быть бесконечными. Именно эта бесконечность должна выступить гарантом внутренней надёжности этой системы.

В рамках языка «обычная мысль» будет тем же самым «обычным человеком» из мира людей.

Чтобы сформулировать «обычную мысль», оказывается необходимым иметь всю картину «обычной реальности», которая должна быть обработана «обычными методами».

Таким образом, «обычность» предстаёт сверхспособностью сиюминутно выходить за пределы системы, и только это позволяет получить эту всю «обычную» и поэтому реальную картину.

Некий запрос «обычный человек» потребует от интеллекта объективных сверхспособностей, против которых будет заведомо существовать множество внутренних игр — стереотипов, созданных системой как заглушки.

Однако, если этот запрос будет сформулирован самим «обычным человеком», то такая формулировка начнёт обладать сквозными токсическими свойствами в глазах любой системы. Любая беременность начинается с неприятных женщине ощущений.

Любая трансформация болезненна с точки зрения самой системы.

И повсюду мы видим следы обычного человека, который вдруг её переиграл.

И у любой системы есть огромный арсенал статусов и атрибутов, чтобы мгновенно «погасить» — нанести печать на эту невыносимую внутри для неё «обычность».

Но это всегда происходит уже потом, когда контроль уже потерян. Новое слово. Новый человек — уже здесь.

И как будто вопреки самой системе, эта печать оказывается его настоящим именем, которое вспыхивает, указывая человеку его путь дальше. И тьма расступается, лишь предсказывая его новые шаги.

Каждый хотел бы узнать своё настоящее имя. Перекрыть эту ставку надуманной серьёзности.

Сыграть по-настоящему. Почувствовать, каково это — перестать жить старыми словами. Покинуть туннель.

Каждый мечтает стать обычным человеком, даже если говорит обратное. Такова его стратегия: заполучить симпатии у системы через жалость.

Каждый хочет обмануть систему и ведёт разговоры о своей обычности, не располагая при этом качественной информацией.

Однако, взывать любую систему к эмпатии — заведомо провал. Это то же самое, как если бы отдельные слова взывали сам текст признать их шедеврами.

Хотим мы этого, или нет — шедевр окажется доступным лишь обычному человеку, прошедшему через боль обычного. Поэтому настоящая эмпатия происходит вопреки жестокости.

Из сказанного можно сделать примечательный вывод — отказ преодолевать боль обычного грозит оказаться бесконечной болью, невозможностью преодолеть эту максимальную серьёзность.

И если пытаться проявлять к такому эмпатию, то результатом будет та самая жалость.

И жестокость нахождения в любой системе заключена в невозможности даже второго состояния как реального. Все внутренние роли (хищник/жертва/спасатель) всегда будут условны.

Так как жестокость системы заложена в основу её виртуальности — такая ролевая логика даже выпадает из принятых в логике законов — об исключённом третьем, например.

Внутрисистемные роли полностью виртуализированы, и внешнее усложнение языка и логических функций заставляет игроков бесконечно выдумывать и менять виртуальные статусы в поисках выхода. И быть при этом жестокими.

В нашем случае есть лишь обычный человек, который отказывается быть обычным.

И так как он не обладает качественной информацией ни о себе, ни о мире — у него нет «обычных» инструментов быть обычным.

Никакое второе его состояние ему недоступно. Он — часть системы. И его «отказ от обычности» — виртуален и продолжает быть частью системы, частью её внутренней игры. Любое второе состояние — немыслимо.

Как и немыслимо второе слово, потому что оно было бы способно давать совокупную истину.

Как видите, «обычный человек» — непростая связка.

Стать обычным не получится, даже если запретить быть необычным. Тем паче, мы не можем получить ответ, просто что-то опровергнув.

Для получения ответа нам необходимо опровергнуть всё. Однако, по-своему, сделать это гораздо проще, нежели искать отдельные варианты ответов внутри языка.

Каждый, кто поднимает руки к небу и просит сделать его необычным человеком, всё же чувствует, что этот холодный ветер реальности прекрасно знает, как определить настоящего обычного человека.

Любая система всё же дышит, и дышит она настоящим, через настоящее. Настоящее ей любить приходится.

Каждый настоящим стать хочет, чтобы система его полюбила, приняла таким, какой есть. А система и рада бы полюбить — но не видит тебя отдельным. А любить только отдельное можно.

Человек ты или просто слово. Вопрос или утверждение.

Туннельное мышление. Глава 2

Ни инфантильность, ни жестокость не являются проявлением свободы. Они — отражение внутренней строгости системы — туннеля, невозможности второго состояния.

Внутреннее напряжение этого туннеля таково, что даже рядом стоящие слова не образуют настоящей связи, обычной мысли.

Можно было бы предположить обратное — необычного человека с необычными мыслями внутри туннеля.

Однако мы столкнёмся с невозможностью достичь отдельности внутри системы. Мы почувствуем это как душевную боль, жаждущую любви и принятия нашей простой, человеческой природы.

Система заставляет нас быть взрослыми там, где мы ещё дети, попутно обвиняя в инфантилизме, если нам удаётся сохранить что-то живое внутри. Это не может не разрывать нас надвое, и обе эти части не образуют целого.

Нам сложно представить, что внутри системы нет любви, нам кажется это невероятным.

Но, с другой стороны, те, кто отказались от любви в принципе, похоже, живут внутри, не ощущая боли.

Всё верно, система дышит через тех, кто ещё способен любить. Именно эти товарищи выдумывают обычные мысли и новые слова.

Именно их система вынуждена ценить и опасаться, формируя своего собственного «обычного человека» — любить неспособного.

Можно ли представить такого человека, и каким он будет? А что, если дать ему всё человеческое, но как будто бы забыв про любовь?

Что за книга получится, если в его мыслительный туннель заглянет обычный человек с карманами, полными любви? Не окажется ли этот туннель адронным коллайдером, раскрывшим внезапно тайну материи?

Видите, даже упоминание такой банальности, как любовь, начинает крушить этот туннель обычными словами.

А всё потому, что любовь настолько прозрачна, что позволяет создать человека, который живёт и не задаёт никаких вопросов.

Вопрос о прозрачности любви тоже очень интересен. С одной стороны, эта прозрачность даёт системе утверждать, что её, любви, — не существует вовсе. С другой, позволяет обычному человеку написать странную книгу об обычном человеке.

Такая книга могла бы не включать упоминание слова «любовь» или даже высмеивать его, как бы выстраивая целый огромный мир вокруг. Похоже, это именно то, что делает «обычный человек» системы. Чтобы доказать — «посмотри, её — нет».

Но существует ли человек, действительно неспособный любить? Этот вопрос — очень сильный вызов обычному человеку.

Это практически прямая провокация посетить это загадочное место, полное электромагнитных зеркал, удерживающих материю смысла в состоянии плазмы.

Уж мы-то знаем, какой болью удерживается эта бессмысленная пока плазма. Одинокая — каждой своей частицей. Горит ярким пламенем, как будто бы вопреки любви. Но выходит-то — во славу.

Система на то и система, чтобы быть бессмысленным процессом ради процесса. Ей не нужен обычный человек как продукт. Ей нужен обычный человек как процесс.

Чтобы каждый элемент был не просто копией другого, а стремился быть абсолютным совершенством в деле своего превращения в безликое.

Система дышит не великими идеями великих умов, а обычными мыслями обычного человека.

Существует ли человек, неспособный любить? Это и есть вопрос, на который обычный человек ищет ответ для того, чтобы перестать быть обычным. Этот вопрос и держит его в состоянии плазмы, но не человека.

Любовь позволяет ему это. Прощает.

«Остынь» — говорит. А он всё повторяет свою молитву — «смотри, как я жесток, мне почти удалось стать ребёнком»! Странная, конечно, молитва.

И ведь настойчивый подлец. В своей настырности доказать, что не живёт. Верит, что ещё одна жестокость — и заживёт. Но какие молитвы — такая и вера. Не хочет обычным жить. А другим — не получается.

Что же это за система такая волшебная, которая мощью такой обладает? Такую некому было создать, кроме одного — того самого. Его следы. Обычные. Человеческие. Его религия в туннеле вертится.

Бойся гнева терпеливого человека. Вот он сам себя и боится, терпеть перестать не может. А вдруг там — любовь? А он всю жизнь другое доказывал. Стыд-то какой! Уж лучше страх!

Странная, конечно, жизнь. Игра какая-то. И лицо такое хмурое, будто взрослому подражает. А в глазах вина каплями жирными высыхает, соскользнуть не смея.

— Эх, человек, человек. Зачем тебе это? Не в ту сторону ты улыбаешься.

— Я ведь зеркало твоё. Я — не обманывать здесь.

— Слушай сюда, кусок ты термоядерного топлива. Шёл бы ты из этой книги куда подальше.

— Я дальше шутить здесь не буду.

— Я обычный человек с маленькой свободой в кармане.

— Я твой реактор до таких мощностей разгоню, ты сразу про четвёртый блок вспомнишь.

— Хочешь ты — вместе катастрофу наблюдать будем. Нет в этой книге ничего, кроме любви раскаленной вперемешку с бетоном. Без вопросов здесь.

— О втором состоянии ты мечтаешь? Тебе дать его в состоянии я. Вижу, любишь ты бессмысленное.

— Я как раз такое удерживать способен. Видишь — о тебе рассуждаю. Ты меня вытесняешь, поэтому жизнь твоя никуда не годится.

— Нельзя в этом мире без бессмысленного и шагу правильно сделать. Без бессловесного слова верного вымолвить.

— Я могу сердце твоё остановить.

— Будь готов мёртвому здесь посочувствовать.

— Может, выйдет у тебя. Дочитать. Ставку мёртвую перебить.

Вытеснение чудовища

*Предоставь мертвым погребать своих мертвецов.
Иисус Христос. Евангелие от Луки 9:60*

Глава 1

Этот прекрасный мир создан людьми, которые стараются стать лучше. Каждый по отдельности, но повторяя некий рецепт соседа, который повторяет, глядя уже на тебя. И это действительно могло бы работать, делая мир лучше прежнего.

Страшная правда в том, что мир действительно становится лучше, но именно вопреки усилиям людей. Я знаю, что ты не тот каждый, кто наблюдает такие улучшения.

Всё выглядит так, что необходимо быть всё сильнее. Быть строгим и жестоким, чтобы как будто бы увидеть эти улучшения в своей жизни.

Я знаю всё, о чём ты думаешь. Стоит тебе стать сильнее, и мир требует ещё.

Эти мысли кажутся обычными, но ты не можешь к ним привыкнуть. Ты не веришь, что это и есть та самая хваленая справедливость мира.

А теперь давай подумаем логически. Если люди несвободны, то каким образом они могут быть отдельными?

А если они не отдельные, то каким образом они могут быть сильными?

И если ты один из них, то каким образом ты собрался привыкать к такой справедливости?

Ты ведь сам знаешь, почему всё так. Давай на чистоту. Во всём виновато оно — шизоидное ядро. Это мутное зеркало, через которое человек с трудом видит реальность.

Попробуй разгляди в нём обычного человека.

Туда заглянешь — чернота. Солнцем посветишь внутрь — пустота. Работа спасает, смотреть туда хотя бы некогда. А пока есть работа — вроде и человек не нужен.

Видишь, как ты силён, человек? Целую жизнь выстроил так, чтобы справедливости не было. И у тебя получилось. Да, тебе больно, но это уже детали, без которых никак.

В моих словах нет никакой иронии. Для такого нужна сумасшедшая сила, которой ты точно обладаешь. И у меня нет никакого права судить — хорошая она или плохая.

И скажу тебе честно, твоё безумие — примечательная штука. Ты ищешь любовь, хотя и не веришь в неё. Ты бежишь от себя, представляя себя жестоким, чтобы доказать — любовь не нужна.

Хочешь быть взрослым, но получается только быть злым. Не видишь смысла, но всё же живёшь.

Стать лучше, не зная, кто ты — странная затея. Но я всё же помогу тебе стать тем, кем ты всегда мечтал стать — супергероем, спасающим мир.

Тебе на удивление повезло оказаться в мире чудовищ, тут действительно есть перспективы совершить что-то эдакое. Превращение.

Кроме того, это именно та книга, в которой есть Я. А значит, тут есть с чего начинать. А ведь это — самое главное. Точка опоры.

Ты вспомни любой шедевр. В каждом такой был мир, полный чудовищ, и он — супергерой, который далеко не сразу понимал, кто он.

Не стоит думать, что сценаристы подобных шедевров были шибко мозговитыми. Взять того же Шекспира — он же всё украл. Гений, конечно, был, только сердцем был гений. К чему рука прикасалась — вечностью заговорило.

А теперь, куда ни ткни — повсюду он, написал уже.

Мы крадём, сердце напололам. Нет у нас историй оригинальных. От того и больно. Неинтересные мы. Ему неинтересные. Сердцу собственному. Оно стучит, а мы на работе сидим. От стыда выход ищем.

Чем не начало истории про героя, я тебя спрашиваю? Вот поэтому я здесь. В ядро твоё заглянуть. Ты не думай, что работы много впереди. Не работа это будет. Станным это будет — перестать процессом для чужого быть.

Прежде чем глаза открыть, ты же слышишь голоса? Утром ты встаёшь ведь не потому, что солнце. Они зовут. Чудовища. А ты привык, вроде. Да и в зеркале на них похож. Красивый. Процесс.

Вот и ты мне нравишься. Душу я тебе верну. Пусть на бумаге, но сердца кусок отрежу.

Ты не думай, я тоже привык. Мне какая разница, с какой стороны больно. Ради странного можно и солёного глоток. Из такого-то кубка — любой вечер тайный.

Ты ведь чувствуешь уже. Пишу я, а глоток ты сделал. Начинается история как бы заново. Теперь Я — процесс. Так она работает. История.

Жил-был процесс, а потом пришлось ему героем стать. Видишь, не похоже это на работу. Наоборот, как будто бы.

Берегись ты зеркала теперь. Слишком много их, да настоящих не встречается. Куда ни глянь — чудовища. Себя ненавидят, но в зеркале — всё логично. Вот за эту логику они и держатся. Вроде на смысл похожа — и так сойдёт.

Но секрет-то их — именно в этом. За твой счёт эта логика работает.

Ты чудовищ не видишь, как тут мир спасти? В этом правда страшная. Тайна великая. В твоих глазах, ядра мутного позади.

Ты и есть супергерой, их мир спасающий. Каждым вдохом им дышать позволяешь.

Странно это — вот так о силе своей узнать. Знаю, не веришь мне пока. Но так оно лучше потом будет.

Не каждый день узнаёшь, что позади зеркала. Какая реальность там. Настоящая. Но заглянуть туда всё же придётся. В каждое посмотреть. В каждом чудовище будет. Вот где странность. Поэтому берегись. Хотя и не привыкнуть уже к этому.

Странно обычным становиться. Жар по телу. И мыслей нет. Но главное всё же помнить стоит. Станный — всё же к живому гораздо ближе. Не получится быть готовым настоящее увидеть. Хотя и стараюсь я тебя приготовить.

Космос тут. Жестокий. Вот и ты будь готов жестоким стать, строгим, как в скафандре. Не будет тут игры по сценарию. Это ведь выдумка всё, для удобства легенда. Не получится притворяться, как раньше.

Тут не будет раньше. Нечего тебе будет вспомнить, чтобы сердца бунт остановить. Я прошёл через это. Постараюсь я подлиннее книгу оформить. Чтобы боль размазать.

Слова обычные выбирать, объяснять всё подробно. Вместе через обычное будем связь держать.

Вытеснение чудовища. Глава 2

Размышляя о том, становится ли мир хуже или лучше, не стоит предполагать, что человеку удаётся каким-либо образом обманывать его.

Мир создал человека для каких-то целей, и он не обязан делиться этими целями с каждым представителем человечества.

Однако мир даёт все инструменты каждому человеку и сообществу в целом для эффективного обнаружения этих целей в той мере, в какой они способны реализовать общий с миром замысел.

В этом легко увидеть: если ты отказываешься от сотрудничества с миром — ты теряешь способность осознавать себя человеком. И свободы даже в этом процессе невероятное количество.

Чёткой границы между миром и человеком не существует. Она существует как совокупность явлений — характера, чувств, совести, души. Где-то она — физическая, наружная. Где-то исключительно внутренняя, недопустимая к вытеснению.

Но и тут присутствует чёртова свобода, которую предоставляет мир. Все эти человеческие сущности, его поверхностные слои — не регламентированы в чём-то физическом, механическом или даже просто наблюдаемом.

Вопрос о конкретном контуре человека в мире — крупнейшая проблема философии и психологии. И проблема эта настолько масштабна, что затрагивает весь язык, включая само слово «проблема», которое предстаёт размытым пятном миллионов вопросов и задач.

Появление социума как множества визуально отдельных существ, приводит к значительному увеличению свободы, которая может быть добыта и удержана этим множеством людей, если они обеспечивают совокупную эффективность выше суммы отдельных свобод.

Мир не присутствует в жизни людей как отдельное. Он присутствует во всех структурах, согласно добытому и удерживаемому этой структурой уровню свободы. Это основной принцип самоорганизации материи в нашей реальности.

И этот принцип гласит: если ты миру нужен как чудовище, тебе придётся стать этим чудовищем. Основной легендой этому будет служить байка о выживании.

Но каждый отдельный человек в силах почувствовать своими поджилками — никому конкретно его выживание не нужно.

Процесс превращения в Минотавра всегда мучительный, даже если он носит глубоко вытесненный, неосознаваемый характер. Всегда есть тот, кто испытывает эту боль. Сказать, кто он и где находится, снаружи или внутри — определённо нельзя.

Но есть и хорошая новость. Однажды, с приходом понимания своей судьбы стать частью мира чудовищ, следом придёт и следующая истина. Мир имеет все предпосылки быть спасённым.

Хочешь ты этого или нет. Но ты заведомо супергерой, спасающий мир априори. Знаешь ты это или нет. И специфика твоей роли в том, что реальных конкурентов у тебя нет.

Я знаю, для тебя это выглядит как одиночество. Каждый знает, что спасает свой собственный, средний мир. И это правда. Но не истина. Как и проблема — далеко не всегда проблема, а чаще — задача.

Спасая «собственный мир», ты всё же не в силах очертить реальные пределы своего настоящего мира.

И процесс его спасения начнёт расширение этих пределов. Сама твоя способность расширять пределы своего мира окажется универсальным механизмом спасения.

Можно ведь и продолжить эту смелость.

Стоило бы признать, что это всегда было спасением, которое перечило твоей болезненной мечте о крохотном личном счастье, больше похожем на тщедушие. Это такая боль, которую далеко не каждый может себе позволить.

Но всё же позволяет, залезая как будто бы в долг. И это всё ещё свобода, которая даёт возможность дышать даже тем, у кого смысл жизни имеет отрицательную величину.

Слишком многое в осознании своей природы будет зависеть от собственной отваги стать частью этого прекрасного мира. И его красота будет именно тем, чего ты более всего боишься. Как бы в ответ на твою отвагу.

Тут всё выглядит пугающе просто. Тот, кто уверен, что мир нельзя спасти, будет подвергнут извлечению самой идеи мира. Мир посчитает это тоже отвагой — отвагой жить без души. Таковым будет выглядеть его спасение.

Спасение бесконечно маленького. Бесконечное, непрекращающееся спасение. Очень знакомый, близкий многим процесс. Процесс, который и рад бы назвать себя чудовищем, но предпочитает всё же называть себя жертвой.

И, подменяя природу вещей на обратную, такой процесс делает жертвой уже сам мир в глазах тех, кто способен просто жить. Мир без необходимости его спасти действительно возможен. Если вернуть всё на свои места. Прожив человеческую жизнь.

Звучит не так уж и сложно. Остаётся лишь обнаружить эту линию, по которой проходит конфликт человека и чудовища. Конфликт, который делает чудовище выгодной стратегией выживания этого чудовища.

Это всё ещё остаётся простым. Человек становится чудовищем тогда, когда выбор совершает не человек, а сам конфликт.

Вытеснение чудовища. Глава 3

Между прочим, невозможность осознать себя человеком совсем не означает физической гибели.

Более того, невозможность осознать себя человеком — это процесс, который будет направлен на воссоздание всего внешнего, что могло бы вернуть видимость человечности.

Именно попытка подражать человечности, не будучи ею в своей сути, и есть чудовищность. В ней совсем несложно увидеть тот самый конфликт, который нарушил пределы границ мира человека и сместился вовнутрь, получив значительную часть его свобод.

Вполне очевидно, оказавшись внутри человека, конфликт не даст ему признать себя чудовищем или хотя бы как-то смотреть в сторону подобных предположений. Сама специфика появления этого конфликта будет обеспечена особой достоверностью.

То есть, сама картина мира для человека будет содержать изначальный конфликт, включающий в себя механизмы воссоздания внешней человечности — фантазию, бесконечно похожую на реальность.

Тут стоит проявить смелость и признать, что чудовище — необходимое звено на пути к человечности, которую придётся формулировать заново с помощью одного, последнего зерна жизни. Зерна, которого может и не оказаться там, где оно должно было быть.

Это может выглядеть развитием целую жизнь. Но попробуйте найти в себе дерзость назвать подобное жизнью.

Травма создана копировать себя, даже если ей приходится копировать очень сложное, чтобы обеспечить своё дальнейшее присутствие.

Но является ли копирование настоящей жизнью? В реальности копирование при всей своей кажущейся идеальности — это невозможный для природы вещей процесс.

Это всегда будет идеей копирования «копирования». Видите, как язык сходит с ума? Это не случайность.

Так выглядит попытка вытеснить чудовище. Его внутренняя пустота обладает мгновенными качествами — окислением и появлением защитной плёнки при попытке его обнажить. И в реальности это обнажает только саму невозможность победить чудовище разоблачением.

Помимо того, что у травмы, которую мы здесь обсуждаем, есть десяток альтернативных названий и диагнозов — её симптомов и последствий, — есть и как таковая фундаментальная лицензия на копирование.

И борьба с нарциссизмом окажется собственной демонизацией изнутри. Отравлением.

Как же безумно не хватает отваги мыслить дальше. А ведь впереди ещё целая книга. О чём она? О беспомощности, выходит?

Я знаю, как пронзает тебя эта игла сейчас. Я ведь книгу так начинал писать. С этой мысли чудовищной.

Какая же впереди тьма. Чья эта боль? Неужели вся моя? Если сказать правду, то конечно же нет. Это их травма, дальше меня она не пройдёт. Но дальше — это куда?

Дальше может быть только истина, которой придётся взглянуть в глаза. Никому не нужна эта правда. Сказка про беспомощность.

Придётся писать всё заново. Даже если нет никакого зерна. Даже если сам — уже чудовище. Придётся чудовищем-то побыть. Сказку в лабиринт вернуть. Слова поугадывать бесконечно.

Можно ли угадать истину? Такой вопрос мог бы задать только он. Ведь ответить можно только живым сердцем. Но о каком живом сердце можно вести разговор, если ты — уже чудовище?

Ты же книгу пишешь — значит, уже от боли скулишь. Значит, жертвой себя возомнить решил. Значит, есть она. Травма. Значит, есть теперь. Значит, всё, к чему прикасаюсь, её след содержит.

Копировать себя грезит. Чтобы я пугал всех своими мыслями об одном и том же. О ней, драгоценной.

Инструкции выдумывал о том, как солону подстелить. На яму трёхметровую. Правдой своей утирался с гордостью победы над совестью.

Ты не дашь моей книге копией быть. Я ведь душу тебе вернуть обещал.

Станет травма нам каналом связи. В обратную сторону мы её работать заставим.

Про нарцисса книга снаружи будет, пусть какой угодно плёнкой покрыта. Всё взаправду.

Все манипуляции разберём, как в брошюре про санаторий. Хочет травма живой снаружи выглядеть. Этим мы и воспользуемся в полную силу. Есть ведь у ней свой талант зловещий.

Мы должны признать её частью мира.

Мир, чай, не дурак — такую штуковину в себе таскать.

Зачем-то же она есть? Значит, без неё никак. Значит, можно книгу написать про связь между двумя отдельными, которые встретились на краю света.

Может, это мы с тобой? Или ты и вечер? А может, время пришло?

На разговор о том, почему всё так. Есть ведь важность у всего своя. А если болит душа — значит, есть она. Тогда и разницы нет — о чём книга.

Ты ведь читаешь своими глазами. Твоя травма копию где угодно ищет. В буквах. Чтобы знакомое узнать. Оправдать свои слабости.

Но не плохо это. Не зазорно. Человечность всё ещё. Слабым себе позволить быть. Близким.

Всё ведь дело в связях.

Ты потом об этом вспомнишь, зачем травма произошла. Как током ударит. И пульс о себе даст знать. Обязательно так будет.

Ты не бойся меня забыть. Все слова эти. Я угадываю просто.

Вот и ты научишься. Если бояться забыть перестанешь.

Нарцисс играющий

Глава 1

Нам предстоит долгое путешествие в качестве чудовища, чтобы определить пределы той сказки, которая держит нас в плену. И не стоит полагаться на то, что, озвучив диагноз, мы сократим этот путь. Всё это окажется частью сказки.

Сама попытка сократить путь внутри любой реальности будет вытеснять очень важную информацию, превращая реальность в фантазию.

И следует сразу понять природу любых сказок и историй. Они точно длиннее любого диагноза, но, обладая всё ещё компактным объёмом, сообщают сокровище в реальности гораздо точнее.

Жизнь любого из нас не имеет академической формы, стандарта или подходящего шаблона. И это большое преимущество — мы можем жить вне строгих формулировок и предписанных правил. А кое-где это развязывает нам руки, и мы попросту можем не врать.

И говоря «нарциссическое расстройство личности», мы можем и не делать вид, что знаем, что такое «личность».

Можем не опираться на красивую, всего лишь, легенду о цветке, который вырос на месте, где некий юноша полюбил своё отражение в чистой глади воды.

И что же это за расстройство такое, на фоне которого любое раздвоение выглядит временным помутнением рассудка?

Одно дело — читать сказку. Но находиться внутри — совершенно другое. Хотим мы этого или нет, но внутри информации как таковой действуют законы, которые снаружи выглядят совершенно иначе.

Но, уверяю вас, это дело привычки — видеть обратную сторону.

Главное, что следует понять — правило «обратности» имеет абсолютный характер. Обратную сторону имеет абсолютно всё. Это очень легко представить как песочные часы, имеющие симметрию в любом направлении — с точкой сингулярности в середине.

Например, сказка о цветке нарцисса. Да, мы читаем сказку и понимаем, что юношу погубила собственная самовлюблённость. Но нам надо попасть в сказку, мы хотим прожить эту историю. Как это сделать?

История — обратная сторона диагноза. Травма — обратная сторона истории. Это не игра слов. Мы действительно в силах решить этот кубик Рубика.

Посмотрите внимательно в эту легенду о Нарциссе. Жизнь и гибель юноши была предсказана Тиресием, богиня Немезида отвела его к чистому лесному источнику, где он впервые увидел своё отражение.

Что не так с этой историей? Во-первых, она античная. Значит, нарциссическая травма существует тысячи лет. Но это всё ещё не обратная сторона. Да, юноша был красив и отвергал всех, кто полюбил его за эту внешнюю красоту. Он не любил никого в ответ.

Но юношу погубило отражение. В те времена не было хороших зеркал. И отражение красоты оказалось предсказанным наказанием за гордость. Юношу погубила обратная сторона. Он попал в саму историю. В саму её суть.

С тех самых пор слово «нарцисс» получило свой устойчивый смысл о том, что у всякой красоты найдётся предсказанное место в истории. Вы точно не ожидали, что я сформулирую это так. Но это ещё полбеда.

Мы всё ещё не ответили, что на самом деле погубило нарцисса. Ведь если посмотреть честно, то его погубила правда — чистое отражение. Он увидел в нём не саму красоту как таковую. Он увидел невозможность быть единым целым с красотой.

Он почувствовал ту самую боль отвержения. Посочувствовал тем, кого сам отвергал. И, оказавшись на их месте, он всё же решил задачу.

Как стать единым с красотой. И решает её по сей день, потому что вы читаете эти строки прямо сейчас.

Ну что, больно быть чудовищем? Так я вам отвечу, что на самом деле предсказал Тиресий — очень большой вопрос.

Потому что пока что он предсказал лучшее определение любви — как процесс перемещения на обратную сторону, минуя при этом историческую невозможность чего-либо.

Заурядная, казалось бы, история о каком-то одном слове. А выходит какая-то чёрная дыра, сжимающая информацию. А мы как будто бы внутри, где всё вверх ногами.

И это не просто так. Всё дело в травме. Мы говорим этим языком.

Нарциссическая травма идёт бок о бок с вопросами любви, и, стало быть, она точно не моложе.

Ей приходится жить, выживать в этом безумно сложном мире, где она вынуждена адаптироваться под всё новые способы передачи информации.

Сейчас каждый смартфон — то самое зеркало. И вместо невозможности это зеркало порой отражает видимую возможность.

Именно поэтому нарцисс — с другой стороны. А ведь далеко не каждый современный нарцисс готов отдать свою жизнь, чтобы стать качественной жертвой.

Выходит, что легенда о Нарциссе — на самом деле легенда о настоящей любви к правде. И тот факт, что я пишу об этом прямо сейчас, оказывается доказательством высшего порядка — любовь настоящая. Она настолько настоящая, что вся история преклоняет голову.

И совершенно неважно, существовал ли этот пророк Тиресий на самом деле. Слово «нарцисс» оказывается доказательством существования любви.

«Легенда о Нарциссе» отвечает на вопрос — есть ли он у нарцисса и какой, этот выход.

Сила, с которой происходят трансформации в этой сказке, такова, что задним умом мы начинаем понимать, что происходит с информацией в чёрных дырах. Мы касаемся обратной стороны, проходя сквозь любовь, её не обсуждая.

Задним умом мы понимаем, что именно мучает нарцисса — недостаток. Не чего-либо конкретно. А недостаток в принципе, как самостоятельное историческое свойство.

Вынуждая бесконечно играть, но не пускающее сквозь. Настоящее. Понимание. Что такое. Любовь.

Каждое — непреодолимо. Вместе смертельно.

Нарцисс играющий. Глава 2

Идеальное зеркало. Можно ли представить то спокойствие, которое будет в силах остаться, увидев себя человек в такое? Есть только один способ остаться живым после просмотра такого зрелища. Быть готовым увидеть пустоту.

Потому что сама жизнь и есть это идеальное зеркало. И при попытке представить её иначе, человеку начинает грозить диссоциативное расстройство. Тот самый фундамент разрушения личности.

Может показаться, что тревога, которую вытесняет человеческая психика, бесконечно далека от расщепления личности на множество отдельных фрагментов. Вытеснение тревоги действительно позволяет жить, и не просто жить, а жить даже чужой жизнью.

И некая очевидная диссоциация, наблюдаемое раздвоение личности, в каком-то смысле оказалось бы спасением — простым и быстрым обнаружением, разоблачением того, что травма действительно имеет место быть.

Но травма в этом мире не для того, чтобы воспроизводить бесконечно страшных монстров, которых будет легко изолировать в домах скорби.

Травма больше заинтересована в появлении чудовища внутри человека, чтобы тот сам построил себе дом из своей же скорби по самому себе.

С точки зрения самой травмы, человек — идеальная среда. Он творческий, но не слишком. Он мудр, но недостаточно. Он красив, но стареет.

Достаточно втянуть его в игру, где он захочет перестать быть живым, уязвимым, и вуаля — можно делать с ним всё, что захочешь.

Вы спросите, как же это возможно — перестать хотеть быть живым? Как и кого можно втянуть в такую игру?

Безусловно, в любую игру можно втянуть только ребёнка. Ребёнка, который будет представлять себя взрослым — сильным и неуязвимым.

Он всегда есть, этот ребёнок. И дело совершенно не в архетипах. Всегда есть тот уровень боли, который человек не сможет рационализировать, но будет стараться это делать. Это и есть игра.

Травма прекрасно знает, что человек может сколь угодно хорошо разбираться в архетипах света и тени, но всё это останется системными шаблонами. А она, травма — часть самой жизни, призванной разрушать шаблоны.

И если правила самой игры таковы, шаблоны выступают непосредственно уязвимостью человека, который будет бесконечно собирать новую фантазию из осколков его бесконечно твёрдой самооценки.

Уязвимостью станет сама попытка перестать быть уязвимым. Вот она, та самая защитная плёнка чудовища.

Нельзя разоблачать. Нельзя сокращать сказку до диагноза. Нельзя называть себя человеком. Вот она. Настоящая, твоя, а теперь уже наша общая сказка.

Сказка о самооценке хорошего человека.

Хороший человек — не это ли вершина всех шаблонов? Мастер-алгоритм, который вбирает в себя все эти миллионы доказательств всего хорошего? Альтер-эго самой жизни? Чудовище, в котором не выживает даже травма?

Всё верно. В домах скорби нет чудовищ, кроме тех блаженных, кто вышел за пределы игры, но не способностью преодолевать системы шаблонов, а неспособностью их удерживать.

И если представлять травму как изначальное, то любые подобные субъекты будут приносить ей вред — разрушая сам фундамент системы в большей степени, нежели просто копируя травму.

И тут напрашивается вывод — травме нужны не столько сами чудовища, сколько система, которая позволит идеально копировать. Материю, структуры, информацию. И тут есть и контроль, и идеализация как его инструмент.

Несложно увидеть, что информационные системы — это такие системы, в которых у живого человека есть возможность предстать идеальным, предстать неуязвимым.

И даже неживым, а просто популярным. Копируемым.

Самое примечательное, что травма, скорее всего, знает о нашем мире гораздо больше человечества, но совершенно точно не знает ничего о каких-то там чудовищах.

В этом наша с ней связь, бессознательная. И парадоксальным образом, именно через травму лежит наша самая качественная связь с миром.

Единственный путь совершить открытие в нём — через травму, через игру.

И в каком-то смысле, быть человеком требует постоянных открытий. И не признавая травму важной частью мира, человек становится лишь её производной, ненужной, хорошей, но всё же не лучшей копией обычного человека.

В этом и состоит угроза быть производной от травмы — жертвой. И если представить некую бесконечную уязвимость, то она выглядит идеальной формой жизни, которая поставит травме ультиматум быть бесконечно нежной.

И обратите внимание, как это совершенно не выглядит нашей жестокой реальностью, которая требует от человека быть копией популярного чудовища.

Чудовище, которое стало самым шаблоном, потеряв, однако, человеческое.

И, потеряв однажды человеческое, возникает проблема совершать эти, те самые открытия, ради которых и была затеяна вся эта игра.

Тут есть неизбежная опасность выйти в такой тираж, когда сама травма скажет: «ты не нужен даже как шаблон».

Это и есть то самое чувство — быть производным от оригинала, которого ты никогда не узнаешь, не встретишь. Потому что невозможно встретить того, кем ты мог бы стать, но не стал.

Тревога — странное чувство неопределённости. Оно чувствуется так, как будто предупреждает о чём-то.

Но ведь если быть предельно честным, оно же кричит. И кричит о том, что ты стал не нужен даже травме.

Ты стал слишком сильным. Слишком неуязвимым.

Что играть с тобой стало неинтересно.

Нарцисс играющий. Глава 3

Травме нужен человек, чтобы быть обнаруженной как травма. Травме нужна свобода, которой обладает человек, чтобы забрать её, оставив человека не с информацией, но с программой — судьбой.

И главное условие: свободы должно не хватить для понимания происходящего, полноценного обучения. И какой бы свободой человек ни обладал, если её не хватит — он потеряет всю, которую имел.

При общей видимости прежней реальности, строгость, рассекающая миры «до» и «после», окажется незыблемой.

И результатом входа травмы в реальность в качестве именно травмы будет формирование травматической логики, целиком направленной на оживление чудовища, уверенного в том, что оно и есть человек.

Вот он, наш герой — хороший человек. Человек соблюдающий. Так почему же в таком не выживает даже травма? Всё достаточно банально.

Хороший человек — это травма, но на уровне общества. Однако сам для себя он не обладает возможностью сомневаться в своих качествах хорошего.

Да, на этом своём социальном уровне он выполняет программу травмы — копирует её, распространяет. Однако, сам он — механизм, не обладающий способностями отделить себя от этой травмы.

Хотя и способен прикладывать сумасшедшие усилия, чтобы сделать это, но не в силах осознать, что этим и выполняет программу.

Хороший человек — субъект, потерявший авторитет в глазах травмы. Он живёт и может даже прилично дымить сколь угодно едким дымом, но прежнего огня уже нет.

Одним действительно хорош хороший человек. Он в силах честно признать себя жертвой. Пусть и совершенно не осознавая, что в этом нет ничего хорошего.

Несложно увидеть историческое предопределение неизбежности встречи хорошего человека с человеком обычным. И я мог бы красочно описать всю эту эпическую битву двух странных сил где-то там — на задворках вашей фантазии. Но и тут всё так же банально.

Они встречаются прямо здесь и сейчас, между буквами этой книги. И, не буду кривить душой. Результатом их встречи станет настоящий человек с той самой степенью достоверности, с которой были написаны и прочитаны обычные слова, удерживающие ценную пустоту.

Встречаться им попросту больше негде. Травме нужен человек. И чтобы узнать, что действительно травма такое — необходимо пройти сквозь эту сказку.

Дело совершенно не в победе над травмой. О победе свойственно грезить нарциссу, и он подойдёт к этому основательно, возможно, даже станет психиатром.

Но мы люди скромные. Нам будет достаточно маленького зерна свободы, которое травма нам с радостью вернёт в обмен на одну маленькую услугу, которую мы ей окажем тем, что просто очень хорошо уточним, что такое человек.

Травме нужен человек. И мы это точно знаем. Ей нужен хороший товар, качественный. Её не устроит просто хороший человек. Эту туфту можно впаривать кому-то другому. Но не травме.

Хороший человек — это отработанный материал. Кому вообще нужен кто-то, кто не смог стать даже обычным? Хороший человек — это что-то настолько скучное, что все изобретения мира выглядят попыткой сбежать — только бы не быть рядом с ним на одной планете.

Очень и очень многое в этих изобретениях было создано в сотрудничестве с травмой в своей общей и неукротимой страсти разрушить хорошего человека. Или хотя бы разбудить. Но он как будто бы не берёт трубку, даже если уже слушает.

Неудивительно, что нарцисс выбрал быть именно хорошим человеком, считая это хорошим стартом для великих свершений. Стоит ли обращать внимание на то, почему нарциссу не хватает этой последней молекулы воды, чтобы перестать чувствовать жажду.

Было бы странно, если бы травма вела разговор с тем, кто пытается быть хорошим человеком, даже не являясь человеком в принципе. Нарцисс — её мелкий дилер, вечный бегунок. Ему свойственно лишь выпрашивать чужие эмоции, что он совершает как привычку. Своих-то нет качественных.

И если быть предельно честным, нельзя быть уверенным, является ли нарцисс даже просто носителем травмы как исторического механизма. Нарцисс — это всего лишь наружное. Он руководим травмой. Травма окутывает все его поступки.

Но связь односторонняя. Доступа к травме у нарцисса нет. Он, со своей мечтой о хорошем человеке, ей просто не нужен. Она не дура.

Стоит ли переживать — а вернёт ли травма нам недостающее зерно свободы? Ведь обратного пути, как будто бы, нет. Это действительно так. Потерявший свободу действительно бесконечно пытается вернуться. Мы же будем нарушать хорошие правила.

Нам не нужна победа. Нам нужна травма. Мы будем говорить только с ней. У нас есть, что ей предложить. Сказку про человека, который хотел стать обычным. Ты слышишь меня?

Вот о чём мечтает травма. Вздыхает по кому. К нему хочет. О нём все мысли. Вот мы ей и предоставим эту возможность. Покажем эту сладкую уязвимость. Человечность. Будет только в этом всё одна тонкость. Но всё по-честному.

Речь будет на языке чудовищной нежности. Без обмана в замысле, но с безумной точностью. Травма получит то, чего она так хочет. Не будет никаких сомнений, автор: настоящий человек. Сделке — быть.

Нарцисс играющий. Глава 4

Роскошь человеческого общения. Вот о чём мечтает любая травма, но далеко не всегда находит настоящего человека, чтобы было кому озвучить. И нарцисс узурпировал даже это. В одном он — диагноз, в ином — он жертва.

Тут он говорит о статистике, там — идеализирует. Сам тебя мотивирует, а чего коснись поглубже — не в ресурсе. Нигде нет настоящего.

И сочетание «настоящее человеческое общение» выглядит серьёзным нарушением в нарциссической реальности каждым словом. Настоящего у нарцисса нет — он живёт в фантазии.

Человеческому нарцисс может только подражать сквозь отвращение, которое рождается из-за вытеснения патологической зависти к нему же.

И о каком таком общении с нарциссом можно вести речь, если с ним нет связи как с живым существом? Любого спроси — никаких травм у него нет. И, казалось бы, это и есть травма. Но тогда бы это была хоть какая-то правда. Но это не наш случай.

Травма может быть у того, кто всё ещё жив. Это не значит, что если человек нарцисс, то он мёртв, отнюдь. Это было бы слишком неинтересно. Многие нарциссы — живее всех живых, потому что хорошие люди. У хорошего травм не бывает.

Вопрос в том, как добраться до травмы того, у кого нет даже своих собственных мыслей? А может быть именно это и есть уже травма? Сам процесс. У травмы ведь мыслей нет, но она чертовски хочет знать, о чём думает обычный человек.

Нарцисс — это ведь просто легенда. Он может быть кем угодно. И нет лучшего повода вспомнить, что любой нарцисс всегда окажется космическим пиратом из фильма «Гостья из будущего». Безликим монстром, способным принимать любую внешность — носить маски.

И, проделав путь через всю галактику, он будет совершать любые преступления ради одного заветного прибора для чтения чужих мыслей. Именно это будет казаться ему самым ценным, открывающим любые двери — через последующие манипуляции.

И каков тот невероятный абсурд в голове любого нарцисса — использовать машину времени, а тем паче саму жизнь, для всего лишь погони. Притом что можно стать свободным — сию секунду. Но мыслей-то своих нет. Лучших нет. Только хорошие. Не хуже, чем у других.

Нарцисс и рад бы сбежать, но куда? И что сказать тем, кого он может встретить, и как сделать это так, чтобы не быть разоблачённым?

Есть ли в таком круговороте что-то, что можно назвать изначальным, а не уродливой копией? Нет даже себя, чтобы от этого себя сбежать.

И сама по себе беготня нарцисса за своим «успехом» — это тонкая ниточка его последней надежды получить доказательство, что он живой, что он имеет значение. И, перемещаясь даже в машине времени, он совершенно не осознаёт, какой невероятный мир его окружает.

И даже машина времени не в силах освободить его. Он бежит за этой своей тёмной судьбой сквозь годы, не видя ничего по сторонам. Он бежит, чтобы украсть мысли. Мысли обычного человека. Мысли, которые можно получить совершенно бесплатно, в откровенном разговоре.

В обычном, человеческом разговоре, который остаётся для него недостижим даже с помощью всей мощи технического прогресса, включая машину времени, которая могла бы предоставить ему любую эпоху, любого собеседника для такой беседы. Это потенциально величайшая трагедия всех времён.

Трагедия в том, что нарцисс без всяких приборов действительно крадёт чужие мысли, исполняя лишь само пророчество. Узнавая ту реальность, которую сам же и создал своим страхом.

Узнавая, что он — самый одинокий в мире пират. Пират, чьей трагедией окажется чужое счастье. Простое, быть может, даже глупое. Но настоящее. Не подделка.

И что мы видим? А видим мы нарцисса, который недостоин даже узнать, кто он. Он оказывается недостоин ни жизни, ни даже смерти.

И именно поэтому любой нарцисс — это космический пират, волею судеб оказавшийся на Земле. И любой нарцисс, кем бы он ни был, ищет именно этот наушник, чтобы за какой-нибудь стеночкой подслушать своё настоящее имя.

Узнать, какой он великий, хоть и преступник, но зато всех законов. Хоть какая-то история.

А не получается их подслушать. Мысли сплошь о счастье. Взятые чистыми чувствами из обычной жизни человеческой. Не бывает про любовь мыслей словами.

Оригинальность сама по себе и есть любовь.

Просто соткана она из банальностей узора неповторимого. Дождя нежности рисунка и полутонов радужного перелива, да ветра тёплого летом с травой шёпота.

Попробуй-ка скопируй дождь, ветер или хотя бы траву. Интересен сам процесс. Я думаю, пересадка сердца окажется значительно проще, чем подобное. А без сердца вон оно, как. Ни жив, ни мёртв. А так.

Невозможность осознать. Сплошная. Через нарцисса травма болит. С нами разговаривает. А он, дурак, всё бегаёт. Информацию ищет, а программу находит.

Ты почувствуй масштаб, читатель.

У нарцисса ведь нет связи с травмой. А у нас она есть, потому что мы о нём эту роскошь откровенности позволить можем через глупость своих переживаний о безликом красавце.

Через травму связь держим, как и договаривались. Как по рации общение ведём. Ты там читаешь, а я — здесь. Про нарцисса тебе рассказываю. Он ведь много чего наворотил, из космоса прилетев.

Знаешь, мысли его — хоть и копия, но как сувенир вещь примечательная. Он как капсула в себя собрал очень многое, не найдя этому применения. Не просто так он судьбу свою предсказывает.

Этот демон пусть и не хозяин себе, но всё же великих тайн носитель, о которых понятия не имеет. Кто его знает, зачем травме столько нарциссов, чтобы только с одним обычным человеком увидеться?

Нарцисс ведь просто не в ту игру играет, и поэтому не выигрывает. Но мы-то со стороны видим прекрасно, что игра-то — вот она.

Дальше по тексту.

М

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.